

Я пораженно рассматривал девушку. Удивительная красота манила, чарующий взгляд, направленный в отражение, стрелял в глубины души. А тело... словно юное пламя, только-только разгорающееся, обдавало пылом и жаром. Я хотел ее.

«Спокойствие, Иоанн, только спокойствие. С каких это пор ты жаждешь женской ласки? Неужели тебя не прельщает общество средневековых неумытых мужиков?» — Я дал расцвести улыбке от мысленной шутки.

И в этот же момент ко мне развернулась она.

Взгляды встретились, но не безумия, ни искр, кто бы подобную чушь ни придумал, не случилось. На их месте выросли настороженность и опасность. Да, именно опасность. Настолько живые глаза не принадлежат человеку, не могут принадлежать. Оно и понятно, бывший гнолл не будет подобен человеку.

Обратился к писарю:

— Она понимает нас?

— Нет, милорд. — Писарь жестом руки «смахнул» предположение. — Зато я понимаю ее. И могу свободно общаться на языке гноллов.

То есть, она может говорить ему что угодно, а он переведет как выгодно ему. Или же нет? Проклятье, если бы не та сцена на крыше, то сомнений было бы куда меньше! Однако, что имеем.

— Тогда переводы: «Приветствую вас, миледи.».

От писаря разошлись приглушенные завывания и рык, от чего даже хотелось поверить в сумасшествие мужчины.

В ожидании ответа, я прошел по комнате, обойдя стол. В спальне после перестановки мебели все еще гулял ветер — зияющая в комнате пустота не перекрывалась даже новеньким деревянным шкафом у стены. Пол отстучал в такт шагам, когда я встал напротив девушки.

Черт, а ведь и вправду красивая. Это не наваждение, а что-то серьезнее. Может, магия?

Пристальное внимание смутило кобольда, она зарылась глубже в балахон, вызывая умиление и большее желание: моя. Она станет моей. И плевать, какой ценой, но этот цветок я заполучу в сад! Иначе, зачем мне вселенная, если ее повелитель будет прозябать в одиночестве?

От девушки послышался робкий голос, тот почти сорвал мне крышу от вороха мурашек. Класс!

— Она приветствует вас, милорд. Ее имя Рагрири. — Писарь надавил на голову девушки, изображая поклон. — Рагрири родилась в племени Диких когтей, в нем же и выросла.

— Меня зовут Иоанн Лайон, я новый властитель этих земель.

Писарь одобрительно кивнул:

— Рагрири отдает уважению вождю, в котором живут такие сильные воины. — Не понял, она про Тернера, что ли? — Но ее беспокоит нападение наших людей на ее лагерь. Рагрири и ее помощницы не имели дурных помыслов в нашу сторону. Почему же мы напали на них?

Хороший вопрос. С подвохом, твою душу... Не говорить же девушке, которую хочешь увидеть любовницей, что я искал в поселение рабов.

В лице писаря я разглядел морщины. Он медленно покачал головой. На неодобрение я мог только пожалть плечами: кто виноват, что мы не предусмотрели такой комичной ситуации. И ведь правда — когда ловишь монстров, и мысли в голове не крутятся: «А не прихватить оттуда девиц?».

Как правильно ответить на вопрос?

Для начала, определиться с целями. Я хочу построить государство, которое устоит перед внешними и внутренними угрозами. А зачем мне все это — другой вопрос. Без памяти о прежней личности, я попросту барахтаюсь в обстоятельствах. Причем, не просто барахтаюсь, а дергаюсь в сторону любой идеи моих сподвижников. Будь то писарь, излагающий идеи о развитии лордства, или тренер армии, загибающий в перспективную армию разрозненных гноллов.

Нужно определиться. Это сложно, но возможно.

От каменных стен разбежался тихий вздох по всей спальне. Сосредоточенное внимание крутилось возле простой мысли, какую не каждый захочет озвучивать. Не скажет же нормальный человек, что создание средневекового государства — всего лишь забава. Но, должен признать, все выглядит именно так. Я забавляюсь возможностями Цитадели, совершенно не задумываясь о последствиях. И, видимо, это замечает писарь. Советник постепенно берет шефство на себя, указывая на ошибки и айсберги на пути плывущего лайнера «Иван-дурак и самодур». А чтобы избежать этого, надо только признаться:

«Мне нравится происходящее. Это веселее любой известной игры, которую я знаю. Да, я не помню, как играл и во что. Впрочем, в новых реалиях это уходит на второй план.»

Мне нравится жизнь в высших слоях общества. Но...

Девушка, подобно скрученной пружине, пылала внутренней энергией. В сверкающих глазах жила стихия, которая играет в сердце непоседливого ребенка. Зверь живет внутри мечтателей, не закрывшихся от остального мира коконом. И как ребенок, Рагри... Рагрири жаждала ответа, она смаковала будущую истину, сказанную моими словами.

Не буду ее разочаровывать.

— Рагрири... — Кобольд подобрала руки, сжатые кулаки красноречиво рисовали ее волнение. — Мы не хотели нападать. Однако ваши соплеменники неоднократно атаковали наш дом, после нескольких сражений мы убедились, что вы — воинственное племя дикарей. Опасность. От опасностей надо избавляться.

Красавица слушала перевод писаря, ее брови сходились к носу, показывая напряжение. Гнев рос, но с ним будто выросло понимание. Увы, залезать в мысли я не могу, поэтому терпеливо ждал развязки. Кто же победит в размышлениях кобольда?

Она заговорила внезапно, не меняя эмоций на лице:

— Она говорит, что сама виновата во всем этом. Рагрири не смогла остановить нового вожака, из-за чего ее племя медленно погибало. Когда мы победили всех молодых самцов, Рагрири собрала остатки племени и ушла. У них не было желания нападать на нас.

Девушка продолжала говорить, а я внимательно слушал перевод. Преподанный вождь умер от руки нового. Так Рагрири потеряла отца и свободу. Племя хирело, детей становилось меньше (и это при волчьей-то генетике!). Когда мы избавились от вожака-добермана, Рагрири ушла в поисках нового племени, чтобы спасти жизнь самкам и детям. Но на их голову случились мы.

Я узнал, что в лагере гноллов еще остались самки с детьми, поэтому послал за ними Тернера и охотника. Рагрири не заметила мысленных манипуляций, поэтому рассказывала о соседних племенах гноллов, которые могли приютить дрейфующий караван самок. Писарь уже брал на карандаш новую информацию, я же обдумывал дальнейшие шаги.

— Рагрири. — Девушка встрепенулась. — Что, если я предложу вам остаться в моем замке в качестве слуг, а не рабов?

— Я не могу так просто согласиться ни на первое, ни на второе. — Уже мысленно я менял перевод писаря в речь от лица девушки. — Мы не нападали на вас, поэтому правильного выхода из ситуации — отпустить наше племя. Как только мы уйдем, вы больше не увидите нас.

— Вы уже здесь. Голодные, изнуренные. Ваши дети ослабли, а женщины едва держатся. Более того, вы все же напали на нас, пусть и по чужой инициативе. Но я предлагаю выход, который устроит нас обоих.

Девушка сложила пушистые заостренные уши на макушке.

— И что может меня устроить, кроме как избавиться сородичей от рабства?

Я позволил себе легкую ухмылку, ее же подхватил писарь:

— Я освобожу вас и сделаю гражданами своей страны. Вы будете равны остальным жителям лордства, жить так же, расти как остальные. Вас не будут угнетать, а дети окажутся под защитой будущей армии.

Рагрири скрыла блеск в глазах челкой. Плечи сошлись к груди, заворачивая девушку в психологический кокон.

И все же, она ответила:

— Какая цена за подобную защиту?

Все, Ваня, можешь потирать руки. Эта красавица — твоя!

— Присяга мне на верность. И еще одна...

— Что же это?

— Ты!

<http://tl.rulate.ru/book/53497/1425055>